

бесѣдка, увитая дикимъ виноградомъ; листья его приняли теперь красивый пурпуровый оттѣнокъ. Изъ этой бесѣдки можно было видѣть балконъ, приходившійся какъ разъ по срединѣ дома: съ одной стороны семь оконъ и съ другой столько же. Аллея давно не была чищена. Ѳеодоръ Игнатьичъ и Раиса шли по тропинкѣ. Подъ ногами шуршали желтые листья; желтые листья падали сверху; желтая листва пропускала сквозь себя солнечный свѣтъ, и на всемъ играли желтые, нѣжные, золотистые лучи въ перемежку съ прозрачными желтыми тѣнями. На синей бархатной кофточкѣ Раисы повисли два-три сухихъ листка. Въ воздухѣ чувствовалась послѣдняя ласка уходящаго лѣта и былъ разлитъ какой-то неувимый бодрящій, благовонный запахъ.

— Дѣдъ насадилъ эти липы, какъ только женился, а женился онъ восемнадцати лѣтъ, — началъ Гранковскій. — Съ тѣхъ поръ прошло семьдесятъ-два года. Почти столѣтнія деревья.

— Посадимъ, Ѳедя, по деревцу! — сказала молодая женщина.

— Хорошо, я попрошу Петра Абрамовича. Не правда ли, Раиса, вашъ садъ гораздо поэтичнѣе этого? Нептѣ какой-то печальный.

— Да, но мнѣ онъ больше нравится.

Они шли; листья однообразно шуршали подъ ихъ ногами.

Этотъ унылый шорохъ, простота сада, скучная прямолинейность его плана, роскошныя старыя деревья, заглушная одинокая бесѣдка будили въ душѣ рой какихъ-то смутныхъ чувствъ. Три поколѣнія выросли на этомъ небольшомъ четырехъ-угольничкѣ земли. Сколько дѣтскихъ ножекъ топтали эту почву; сколько разъ дѣдъ и отецъ Ѳеодоръ Игнатьича съ пилой въ рукѣ и большими ножницами обходили этотъ садъ! Сколько разговоровъ, веселыхъ и грустныхъ, велось подъ этими липами или въ этой бесѣдкѣ! Разбѣжались по бѣлу-свѣту рѣзвыя дѣтскія ножки и стали неуклюжими, солидно ступающими ногами, или спокойно лежать, вытянувъ носки, гдѣ-нибудь на тѣнистомъ кладбищѣ. Навѣки исчезли образы ворчливыхъ, во все вникающихъ стариковъ, строителей семьи и хранителей домашнего очага. Давнымъ-давно смолкли раздававшіеся здѣсь голоса. Липъ вверху, надъ опустѣвшими гнѣздами, кружатъ вороны и по прежнему протяжнымъ крикомъ наполняютъ меланхолическій садъ, который точно усталъ отъ своего одиночества, дремлетъ и тихо готовится къ тяжелому долгому зимнему сну.

Молодые люди вошли въ бесѣдку и оттуда смотрѣли на садъ. Пурпурные лапчатые листья винограда мягко и красиво выдѣлялись на ясномъ фонѣ блѣдно-золотистыхъ липъ; вдали бѣлѣла